

Николай Лесков

Внутреннее обозрение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л50

Л50 **Лесков Н.**
Внутреннее обозрение / Николай Лесков – М.: Книга по Требованию, 2012. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-2310-8

Николай Семенович Лесков широко, объективно отразил в своих произведениях жизнь российского общества его эпохи - эпохи отмены крепостного права, пробуждения деловой активности масс, размежевания интеллигенции на разные идеологические "станы". Большое внимание уделял Лесков и русской старине, считая ценным для развития общества накопленный тысячелетиями народный опыт. Документальность многих его произведений сочетается с художественной выразительностью, психологической глубиной, яркостью языка.

ISBN 978-5-4241-2310-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Семенович Лесков

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ>

С.-Петербург, суббота, 31-го марта 1862 г

Мы в свое время, еще минувшею осенью, доводили до сведения наших читателей, опираясь на печатные протоколы разных губернских по крестьянским делам присутствий, что между помещиками нашими пущена была кем-то в ход мысль, что составление уставных грамот следовало бы отложить до осени текущего года, то есть почти на целый год отдалить срок, назначенный для того высочайше утвержденным 19-го февраля 1861 г. положением. Грамоты действительно в свое время представлены не были, и правительство нашло для себя необходимым указать землевладельцам некоторые облегчительные по этому предмету меры. Когда дело было еще внове, крестьяне так и рвались поскорее порешить прежний барщинский быт и только о том во многих местах и мечтали, как бы поскорей снабдили их уставными грамотами. Но дорогая минута прошла, и вот теперь правительство, официальными статьями, извещает публику, что эти самые крестьяне от подписи уставных грамот отступаются. Что этому служит действительною, разумною причиною — непонятно. В отношении замедления подачи грамот помещики с своей стороны оправдывают самих себя изречением, что время — лучший советник человеку, а крестьян бесцеремонно клеймят названием бунтовщиков, хотя бунтовщики эти на каждом шагу только и твердят одно: «Что батюшке Царю угодно, то мы и станем делать: всем сердцем желаем быть подписаны под Царя!» Но к грамотам рук не прикладывают. Помещики, в разных местах, выжидают времени и стараются высматривать, что станут делать их соседи; крестьяне тоже мнутя и тоже поджидают, что станут другие делать. Недоверие ли тут кроется к прежним помещикам и вообще к крепостному праву, нетолковитость ли к восприятию сущности дела, смуты ли дурных людей, беглых солдат и переодетых монахов, которых земские полиции ловят на деле, при их толкованиях крестьянам, чтоб они грамот не подписывали, только крестьяне теряются и сами, кажется, не понимают, почему грамот не подписывают.

Мы передавали читателям все доходящие до нас сведения о тех радостных явлениях, которые во многих местах характеризуют правильные, честные отношения иных помещиков к бывшим своим крепостным людям; мы с горячею готовностью каждый раз спешили передавать каждый случай, служивший отрадным подтверждением доброго и мирного исхода дела, но вместе с тем мы откровенно высказались, что ближайшее знакомство с печатными документами не позволяет нам поднять руки, чтоб написать какую-нибудь обвинительную фразу против крестьянства. По крайнему и чистосердечному нашему разумению, обвинение или даже упрек в медлительности дела, составляющего одну из существенных забот нашего правительства и дум целого народа, менее всего должно падать на крестьянство. Барский, командирский тон иных помещиков, их недружелюбие и высокомерие, козни управителей и приказчиков, а в иных случаях пристрастность и односторонность взгляда мировых лиц, уловки и тайные замашки местных и заезжих чиновников, а главное, темные, мутные взгляды самого крестьянства на будущность и плохое, по безграмотству, знакомство с радикальными реформами, с благими преобразованиями, которые правительство готовит уже для народа — вот, полагаем мы, причины, хоть сколько-нибудь объясняющие положение нашего простолюдыя, не знающего, что ему теперь

предпринять и для чего именно нужно ему прилагать руку к бумаге, которую — так говорит он — быть может, навеки себя снова закабалит.

Много фактов мы встречаем и отрядных, много и безотрядных по крестьянскому делу. Приведем несколько случаев, объясняющих отчасти ход дела в том или другом уголке нашего отечества, по актам, доставленным нам с последними почтами.

Мировой посредник г. Башкатов довел до сведения орловского губернского присутствия о положении дел в его участке, в Ливенском уезде, к новому году. Вот основные черты его отчета: 1) Все возникшие между помещиками и временнообязанными крестьянами неудовольствия постепенно уничтожались. Теперь во всех имениях водворено доброе между обеими сторонами согласие. Накопившиеся, до открытия сельских обществ, за крестьянами недоимки по работам частью прощены помещиками, а частью отработаны крестьянами осенью. 2) По причине продолжительных дождей и обязательной работы уборка хлебов производилась медленно; во всех помещичьих имениях хлеба оставались в поле до октября, а потому и возили его с поля сгнивший, а частью проросший. Свой хлеб крестьяне свезли с полей гораздо ранее; убытков они потерпели сравнительно менее, а прилежные из них получили большие заработки. 3) В начале сентября сельским старостам отданы были приказания о вносе податей: к 20-му октября все было исполнено, и теперь за крестьянами нет недоимки ни копейки. 4) Школы сельские заведены во всех приходах. 5) Магазиновый хлеб почти весь засыпан. 6) Во всем участке не было ни одного уголовного преступления. Один из пензенских посредников свидетельствует, что крестьяне просят только вразумительнее объяснить им условия выкупа усадебной оседлости, а входя в пространные объяснения по сему поводу, доказали основательное знакомство с сущностью законоположений о крестьянах и откровенно объявили, что сторонние люди немало пугали их опасностью быть сосланными на поселение в Сибирь, если войдут в добровольные соглашения с помещиками.

Но наряду с этими вестями вот и другие вести. Мировой посредник Панин сообщил дмитровскому мировому съезду, что, когда он прибыл в имение графа Кушелева-Безбородка, в деревню Лубенки, для поверки уставной грамоты, то крестьяне объявили, что они ни сами не станут ни под чем подписываться, ни других на это не уполномочат. Мировой съезд вызвал крестьян в свое заседание, но они и тут объявили, что они оброк будут платить до времени, но никаких бумаг подписывать не будут и уполномочивать на это никого не станут. Причин этого нежелания они объяснить не умели, а все разъяснения мирового съезда не имели никакого успеха. Дело дошло до губернского присутствия, которое, имея в виду ст<атью> 36-ю прав<ил> о пор<ядке> прив<едения> в дейст<вие> полож<ения>, нашло, что участие крестьян в составлении уставной грамоты несколько не обязательно ни для них, ни для владельца. В настоящее время, когда из многих мест получаются сведения о том, что крестьяне большею частью избегают изъявления какого-либо согласия, употребление силы не только не вразумит их, но еще более может послужить поводом для дальнейшего с их стороны сопротивления. По 49-й статье тех же правил, один поверочный акт должен быть подписан крестьянами, когда они не предъявят законных возражений при прочтении уставной грамоты: но если и в этом случае они отказываются от подписи, то и тогда требование подписки не должно быть сопряжено ни с какими угроза-

ми или строгими мерами. Остается только внушить крестьянам, что, несмотря на их отказ подписать грамоту или поверочный акт, все повинности, установленные в грамоте, как основанные на положении 19-го февраля, должны быть строго соблюдаемы и исполняемы беспрекословно!

Конечно, такое решение и дельно, и разумно, и вполне гуманно. В другой деревне, в Сергеевой, того же помещика, крестьяне, призванные в мировой съезд по случаю отказа от принятия копии с уставной грамоты, на спрос о причине объявили, что списка с грамоты они принять не желают, потому что не понимают ничего, что в нем написано, а хотят быть подписаны под Царя и получить надел по Цареву указу. На мировом съезде им прочитали грамоту, разъяснили каждую ее статью и объяснили все статьи положения, на основании которых она составлена; но крестьяне устоялись на своем: «Рук не приложим, списка не берем, подписок не даем, станем платить оброк до времени, как Царь указал!» Все убеждения съезда были безуспешны. Орловскому губернскому присутствию осталось одно: «предоставить начальнику губернии сделать по сему предмету зависящее распоряжение».

По поводу возникших и в других губерниях вопросов, как поступать в подобных случаях, высочайше утвержденным положением главного комитета об устр<ойстве> сел<ьских> сост<ояний> узаконяется: «1) В случае уклонения крестьян от составления приговора об избрании уполномоченных для выслушания грамоты, участия в проверке оной и подписания о том акта, мировой посредник может, не требуя от общества составления приговора о выборе уполномоченных, или предложить обществу, в присутствии добросовестных, чтобы оно заявило посреднику лично на словах об избранных уполномоченных, или же приступить к проверке грамоты посредством опроса крестьян и добросовестных из соседственных селений, в присутствии схода. 2) В случае отказа добросовестных от подписи акта о проверке грамоты мировой посредник, не утверждая и не вводя в действие уставной грамоты, должен представить оную в уездный мировой съезд вместе с актом о проверке, подписанным им самим, помещиком или его доверенным; мировой же съезд распоряжается немедленным вызовом к себе бывших при проверке грамоты добросовестных и затем, допросив их о ходе дела по проверке уставной грамоты, для убеждения в правильности поверочных действий, и объяснив значение их подписи, предлагает подписать акт; если они, несмотря на сделанные им внушения, снова откажутся, без законных причин, от таковой подписи, то о сем делается надпись на самой уставной грамоте, за подписью всех присутствовавших членов мирового съезда, и вместе с тем мировой съезд распоряжается: во-первых, о наложении на добросовестных взыскания, согласно 30 ст <атье> положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях, и, во-вторых, о введении в действие уставной грамоты, если она не подлежит утверждению губернского присутствия; и 3) Если крестьяне отказываются от принятия копии с грамоты, то надлежит прочитывать ее крестьянам на полном сходе и требовать неуклонного исполнения всего изложенного в грамоте, а затем копия с грамоты, по усмотрению мирового посредника, хранится или при его делах, или в волостном правлении, впредь до востребования оной крестьянами».

На другом конце России повстречались частные случаи другого рода. Заводовладелец Н. М. Пашков выдал заводским служителям, на праве дворовых

людей, 63 увольнительные акта. Некоторые из уволенных, записанные по десятой ревизии в одном семействе, заявили желание приписаться к разным сословиям. Такое своеволие привело, как кажется, в недоумение местного мирового посредника. Он обратился в оренбургское губернское присутствие с вопросом: смеют ли дворовые люди, состоя в одном семействе, приписываться куда пожелают? От такого раздробления они, пожалуй, могут избежать рекрутской повинности! Губернское присутствие ответило ему коротко и ясно, что не его дело входить в рассмотрение раздробления семейств, да и рекрутская повинность тоже до него не касается.

На шильвинском заводе купца Подьячева, на зайчешминских рудниках рабочие живут в землянках, зимой без печей; дым от топлива стелется по жилью слоями и проходит в отдушины потолка только по совершенном сгорении дров. Надо заметить, что о человеческом размещении рабочих заводом делалось уже неоднократно «строжайшие» предписания не низшим, а высшим начальством, то есть губернским присутствием, уральским горным правлением, оренбургским генерал-губернатором и самим министром финансов; но эти «строжайшие» предписания все как-то плохо действовали: у купца Подьячева, конечно, во исполнение их, уж и лес был подготовлен, но он вот два года лежит, а к постройке казарм приступлено не было, «по неимению излишних заводских сумм». Оренбургское губернское присутствие, найдя, что лишение рабочих всех удобств и помещение их в сырых землянках весьма вредно для их здоровья, велело объявить управлению шильвинского завода, что пока оно не выстроит совершенно удобных казарм для своих горнорабочих, до тех пор ходить на рудники для них не обязательно; захотят ли они работать или не захотят, это уж предоставляется собственному их благоусмотрению и расчету.

Мы уж имели случай передать нашим читателям род легенды о помещике фон Ренне, которого калужское присутствие, за оскорбление сана и личности мирового посредника, предало на обсуждение местного уездного суда. Недавно г. фон Ренне напечатал в газетах род отповеди или протеста, в котором ссылается на остзейское происхождение, на бытность в военной службе и на лишение в войне руки, выражает, кажется, ту мысль, что напечатанием протокола, в котором трактуется о его проступке против посредника, нанесено ему, г. фон Ренне, публичное оскорбление. Мы первые, конечно, перепечатали бы оправдание господина калужского землевладельца, если б в его строках нашли хоть что-нибудь, что служило бы для него извинением: мы помним только одно, что он назвал посредника почти возмутителем общественного спокойствия, провозглашателем социалистических идей и укорял в последнее время какую-то желтенькою книжкою, как будто бы служащую источником всякого беззакония. Недавно повторилось подобное же неуважение к посреднику в Смоленской губернии со стороны духовщинского помещика Дехтерева и еще, кажется, не помещика, а мужа помещицы Дехтеревой. Все дело, сколько можно догадываться, возникло из-за дров. Крестьяне просили у него топлива, г. Дехтерев им не давал; между тем зима, холодно; мужики и пошли искать правды к посреднику. Тот объяснил г. помещику, что просьба крестьян по закону, по 6-й и 49-й статьям мест<ного> пол<ожения>, должна быть удовлетворяема впредь до введения в действие уставной грамоты. Случились и побочные обстоятельства и недоразумения, и вот г. Дехтерев, в письме к посреднику, выражается следующими фразами: «Ва-

ши идеи, Платон Николаевич, не подлежат ни одной из статей высочайше утвержденного положения. Вы, как дворянин, обязаны действовать по долгу совести, а как посредник обязаны быть справедливыми: а так ли выходит на деле? Скажите: правы ли вы по закону? Конечно, нет; а по совести и того меньше! Вы советуете всем читать высочайшее положение, а сами, читая, понимаете ли его?...» Смоленское губернское присутствие, разобрав во всей подробности обстоятельства, послужившие поводом к такому пререкательству, признало действия посредника вполне правильными и во всем с законами согласными, о проступке г. Дехтерева, заключающем в себе оскорбление служебного лица и письменное обвинение его в действиях, противных и совести и законам, передало в губернское правление.

Со всех сторон, по крайней мере нередко, слышатся жалобы на препятствия и мелочные помехи, делаемые земскою полицией мировым посредникам. Земская полиция, конечно, очень зла на все мировые учреждения, и прежнее благодатное для иных время ушло безвозвратно; сверху раздаются громы, и строго предписывается исполнять безотговорочно то, к чему полицию будут приглашать посредники, но все-таки пикировка становой и исправников доходит местами до несообразностей забавных, но вместе с тем и прискорбных. Так, в Тамбовской губернии, в Темниковском уезде, носилась молва об убийстве одного крестьянина. Крестьянин действительно пропал, и никто не мог узнать наверно, что такое с ним случилось. Толки об убийстве стали слышнее. Мировой посредник поспешил дать предложение становому приставу сделать розыск «о пропаже человека». Становой обиделся: ему дано «предложение»! Задели его амбицию! Что он, подчиненный что ли какой для посредника? Становой сам «ваше благородие» и в зависимости от посредника ни в какой не состоит. Становой рассердился не на шутку; бац! целиком предложение представил в земский суд для надлежащего распоряжения. Земский суд, вместо того чтоб действительно сделать распоряжение о розыске по горячим следам, тоже увлекся амбицией и обиделся неформенностью сношений, и ровно ничего не сделал. Дошло дело до губернского правления. Оно, вопреки ожиданию становой, не помирволило земскому суду и сделало членам и секретарю его, за равнодушие к делам службы, строгий выговор... О том, что не следовало писать «предложение», а нужно было послать «отношение», дело, конечно, тем не кончилось: пошла переписка с губернским присутствием, как водится. Но это уж особая статья, а главное то, что губернское правление создало, что неформенность не помеха делу.

<ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ>

С.-Петербург, суббота, 10-го марта 1862 г

В одном из недавних номеров нашей газеты мы приняли на себя обязательство заняться желаниями рижских граждан относительно некоторых реформ по части почтовой корреспонденции между городами Ригию и С.-Петербургом. Известно, что у Риги с Петербургом очень много взаимных торговых сношений и что во всех торговых сношениях быстрота и удобство корреспонденции играет очень важную роль; от письма, задержанного лишнюю минуту в дороге, в почтовой конторе или в сумке разносчика очень часто путаются соображения коммерсанта, затрудняются обороты и вообще происходят разные непредвидимые случайности, имеющие самое неблагоприятное значение во всяком торговом и промышленном деле. В Англии как в стране, знающей настоящую цену времени, вполне сознано значение быстроты и аккуратности почтовой корреспонденции; там письма, брошенные в почтовый ящик, непременно доходят в руки адресанта, никогда не претерпевают над собою никаких опытов, известных в милой, «обворожительной» Франции, и никогда не пропадают, как это случается в других просвещенных странах Европы и порою у нас грешных. В наше время переписка через почту у нас идет, разумеется, несравненно лучше, чем несколько лет тому назад, но все-таки наша почтовая корреспонденция не может похвалиться тою скоростью и аккуратностью, которые мы видим в Англии и которой не надеемся видеть у себя до тех пор, пока в России будет сознана важность частной корреспонденции и неприкосновенность письма для тех, кому оно не адресовано, а это достигается не так скоро и не так легко. Корреспондент «Современной летописи» (см. № 6-й 1862 г.) свидетельствует, что во Франции еще и до сих пор письма и газеты пропадают беспрерывно; еще чаще встречается, что их приносят на другой и на третий день по получении на почте. «У англичан же почта — дело святое», дело, о котором много заботятся и которое, вследствие разумной заботливости, доведено почти до идеального совершенства.

До устройства в России железных дорог корреспонденция через почту была самым быстрым способом переписки, и жалобы, которые приходилось слышать на почтовое ведомство, касались преимущественно неаккуратности доставки пакетов, на медленность же провоза их редко жаловались, потому что не было в виду средств ускорить этот провоз. Указывали только на медленность городских почт в Москве и Петербурге, при современном устройстве которых нельзя ожидать на свое письмо ответа по почте в тот же день, тогда как в Лондоне можно получить ответ с другого конца города на письмо, опущенное в ящик в 7 часов вечера. У нас, если нужно иметь ответ сегодня же, приходится посылать письмо со слугою, а буде такового не имеется, отправляться к тому, с кем нужно переговорить, собственнойнешею персоною. Так обыкновенно у нас и делается, к ущербу публики, бесплодно теряющей время, и почтового ведомства, лишшающегося доходов за доставку писем, заменяемых самоличным тасканьем по стогнам наших просвещенных столиц. Однако до сих пор только в Москве и Петербурге было удобнее заменять переписку личными визитами; теперь же это самое испытывают рижские и петербургские граждане, имеющие срочные дела и ведущие между собою деловую переписку. Из Риги в Петербург и из Петербурга в Ригу данный индивидуум может перенести свою субъективность в 24 часа, а письмо,

посланное им в том же направлении, перелетает это пространство с быстротою четырех суток. Это, разумеется, очень не нравится рижским купцам, ожидавшим, что с открытием линии железной дороги их деловая переписка с Петербургом будет доставляться с тою скоростью, с какою почтовый поезд, отправленный из Риги, достигает Петербурга. Такое желание рижских граждан очень понятно и очень законно, но тем не менее оно до сих пор *vox clamantis in deserto*.¹ Как же это делается, что письма, отправляемые с поездом, перебегающим пространство между Ригю и Петербургом в 24 часа, доходят до адресата через 96 часов? Кто же их задерживает: разносчики? — нет. Контора, получающая почту? — тоже нет. Так кто же? А вот, извольте читать и наслаждаться, какие иной раз бывают порядки в просвещенных и благоустроенных государствах: письма и посылки отправляются из Риги в Петербург с поездом, который выходит из Риги в 3 1/2 часа пополудни и едет до Динабурга семь часов. В 10 1/2 часов рижский почтовый поезд бывает уже в Динабурге и привозит с собою корреспонденцию, следующую из Риги в Петербург, а в 12 1/2 часов пополудни отходит поезд из Динабурга в Петербург. Очевидно, что если бы письма, привезенные из Риги с поездом, пришедшим в Динабург в 10 1/2 часов, отправлялись далее с поездом, отходящим из Динабурга в 12 1/2 ч. пополудни, то они получались бы здесь в 4 1/2 часа пополудни, на другой день, то есть через 25 часов после отправления их из Риги. Но так не делается. Письма, прибыв в Динабург в 10 1/2 часов, пользуются в этом городе двадцатишестичасовым роздыхом, то есть не передаются поезду, отходящему из Динабурга через два часа после прихода рижского поезда, а дожидаются по обстоятельствам, не зависящим ни от свойства писем, ни от желания их отправителей, поезда, который едет на следующий день. Таким-то образом письмо, отправленное из Риги в Петербург, употребляет на полет до Северной Пальмиры вместо 24-х часов, в которые доезжает пассажир, трое суток, а, пользуясь льготами, которые даруют ему господа, разбирающие и разносящие почту в Петербурге, оно попадает в руки адресата только на четвертый день. В силу такой манеры «спешить потихоньку» рижские купцы во всех случаях, требующих ответа из Петербурга не позже, как на третий день, посылают эти письма с нарочным или едут сами, или же телеграфируют. Само собою разумеется, что тот же порядок наблюдается и при передаче корреспонденции, отправляемой из С.-Петербурга в Ригу. Почтовый поезд оставляет Петербург в 3 часа пополудни и мог бы передавать привезенную им корреспонденцию поезду, отправляющемуся из Динабурга в Ригу в 8 часов утра, тогда письмо в 2 часа пополудни того же дня было бы уже в Риге и с небольшим через 24 часа после отправления его из С.-Петербурга находилось бы в руках адресата. Вместо этого, существует такая времеебьющая процедура: письма, следующие из Петербурга в Ригу, задерживаются в Динабурге до поезда, который отходит из этого города в 3 часа пополудни, а в Ригу приходит ночью, когда писем уже не разносят, и раздача их адресатам начинается только на следующий день, когда Феб в своей лучезарной колеснице совершит изрядную часть своего пути. Итак, письмо, отправленное из Петербурга в Ригу, положим, в четверг, день, как известно, самый легкий, при нынешнем порядке приходит в Ригу в субботу, а приносится адресату в воскресенье, когда конторы закрыты и сделать распоряжение, вызываемое полученным письмом, очень трудно, а часто и совсем невозможно. Между тем есть средство письмо, отправленное из Петербурга, положим, в самый

тяжелый день, в понедельник, доставить рижскому адресату после двух часов во вторник; но средствами этими почтовое ведомство до сих пор не пользуется. Из всего сказанного, полагаем, можно убедиться, что рижане имеют некоторое основание желать для путешествия почтовой корреспонденции между С.-Петербургом и Ригю иных порядков, при которых не было бы упущено никакой возможности пользоваться первым поездом, отправляющимся из Динабурга после прихода почт рижской или с. — петербургской.

Для удовлетворения такого вполне справедливого желания нужно только отменить задержку корреспонденции в Динабурге и сделать обязательным немедленную передачу ее первому поезду, отправляющемуся из Динабурга в Ригу или Петербург. Достичь этого, кажется, очень возможно, ибо между прибытием поездов в Динабург и отходом следующего за ними поезда из Динабурга проходит около двух часов. Стоит только все простые письма, отправляемые из Риги в Петербург или из Петербурга в Ригу, не закладывать в общую, трактовую, сумку или ящик, а отправлять их в особой суме или особом ящике, которых нет нужды вскрывать до места назначения. Денежную же корреспонденцию отправлять таким же образом в особом постпакете. Целость пакета или суммы (которые, вероятно, будут и запечатаны) может служить ручательством для безостановочного приема их на следующий поезд, и в случае какого-либо сомнения и проверка корреспонденции по реестрам в течение двух часов вполне возможна.

Рижские граждане, которых очень интересует это дело, формулируют свои желания следующим образом: они желают, чтобы: 1) последовало распоряжение об отправлении денежных писем, поданных на почту за час до отхода поезда, с этим же поездом, а не на другой день, как это делается теперь.

2) Вменить в обязанность все письма, адресованные в Ригу с надписью чрез нарочного, с нарочным же доставлять прямо со станции железной дороги адресату, который за каждое доставленное ему таким образом письмо будет платить нарочному по 15 коп.

3) Привешивать к почтовому вагону в Риге письменный почтовый ящик, чтобы в него можно было опускать письма до последней минуты пребывания поезда на рижской станции.

и 4) Разрешить франкирование писем, отправляемых за границу, посредством почтовых марок — так, как франкируют свои письма заграничные отправители их в Ригу.

Мы, конечно, не имеем ни единыя власти ни вязать, ни решать чьих бы то ни было желаний, касающихся государственной администрации, и сознаем в себе достаточные способности ошибаться; но, в пределах нашего понимания, не находим никаких препятствий к полнейшему удовлетворению желаний рижских граждан. Нам кажется, что, кроме облегчения почтовых чиновников, принимающих в Риге заграничную корреспонденцию по настоящей манере, и других чиновников этого же ведомства, нянчающих проходящую через Динабург простую и денежную корреспонденцию, не произойдет никаких злокачественных последствий, а корреспонденция непременно увеличится, и пропорционально ей возрастет цифра почтовых доходов. Однако, не избалованные излишним доверием к своим доводам, мы просим заинтересованных в сем деле лиц не придавать нашему голосу того значения, которого ему по штату не полагается, и обратиться с своими желаниями куда и как следует, а в то же время поискать средств к